

М. А. Тульнова
Волгоград, Россия

ТАБУ В КОНТЕКСТЕ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГСНТИ 16.21.29; 16.21.61

Аннотация. Анализируются вербальные и невербальные формы изменений в запретительных нормах как отражение трансформаций в ценностных доминантах культур, происходящих под влиянием процессов глобализации, на материале русского и английского языков.

Ключевые слова: табу; нормы; глобализация; ценности; лингвокультурология; дискурс.

Сведения об авторе: Тульнова Маргарита Афанасьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 400066, г. Волгоград, ул. Мира, д. 18, кв.3.
e-mail: tumargarita@yandex.ru.

M. A. Tulnova
Volgograd, Russia

TABOO IN THE CONTEXT
OF GLOBALIZATION

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article examines verbal and non-verbal transformations in the prohibitive norms which reflect the changes in the value systems of world cultures under the influence of globalization.

Key words: taboo; norms; globalization; values; language and culture studies; discourse.

About the author: Tulnova Margarita Afanasievna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of English Philology.

Place of employment: Volgograd State Pedagogical University.

Современный этап развития общества характеризуется изменениями, являющимися результатом процесса глобализации. Трансформации в ценностной сфере культуры отражаются в изменении норм, одним из видов которых являются табу – «негативные предписания (категорические запреты) на различные действия людей, нарушение которых должно повлечь соответствующие санкции» [Социология]. Динамика табу в этом смысле представляет собой одну из проблем, изучаемых в дискурсивном направлении политической лингвистики [Будавев, Чудинов, 2006]. Многочисленные обращения к теме табу в СМИ, интернет-блогах и дневниках, на материале которых проведено данное исследование, свидетельствуют об изменениях в содержании запретительных норм в мировых культурах: *...there is an ebb and flow of taboo in UK society* [BBC]; *...сейчас (почти) нет табу, нет закрытых тем и нет «непристойного», границы личного так ужались, что вписались в рамки законного и легитимного; происходит постепенная эволюция объекта для вопроса «А что в этом такого?»* [LiveJournal]; *«Мы добились большого прогресса, – говорит Хеба Кутб, руководящая исламской клиникой сексологии в Каире. – Десять назад мы не могли даже говорить на эту тему, а теперь люди привыкают это слышать»* [Islam.ru]. Знаком возрастающего интереса к теме запретного является появление ряда художественных фильмов, в названии которых содержится лексема «табу»: Табу режиссера Нагисы Осимы (1999, Япония), серия документальных фильмов *Taboo: Blood Rites* (2004), *Taboo: Sex Swap* (2009), *Taboo: Touching death* (2009, National Geographic) и др., телесериал «Табу» (2009, Санкт-Петербург).

Изменения в системе табу реализуются как в нарушении запретительных норм – детабуизации, так и в процессе табуизации – создания

новых запретов. Наблюдаются как вербальные, так и невербальные формы **детабуизации**. Одна из ярких сфер **невербального** поведения, где в настоящее время наблюдается нарушение традиционных запретов – взаимоотношения между полами. Так, ранние и добрачные сексуальные отношения во многих культурах стали повседневным явлением и больше не вызывают осуждения у окружающих. Все менее порицаемыми становятся групповые интимные взаимоотношения и однополая любовь. Не вызывает удивления публичная демонстрация обнаженного тела как знак открытого проявления сексуальности. В области жестикюляции наблюдается заимствование представителями многих культур жестов, пришедших из американской культуры, в частности известного неприличного жеста руки, как проявление снижения запретов на непристойное невербальное поведение.

В **речевой** коммуникации проявления табу отражены в избегании «определенных языковых выражений или затрагивания определенных тем общения в тех или иных коммуникативных ситуациях» [Стернин 2000]. Так, среди **тем**, подвергающихся детабуизации, одной из очевидных является тема интимных взаимоотношений полов и связанное с ней использование в речи наименований интимных частей тела. Например, пьеса Ив Энцлер *The Vagina Monologues* была написана с целью снятия запрета на открытое обсуждение проблем интимной жизни женщины. Будучи написанной американской писательницей, пьеса была переведена на 30 языков и поставлена в 53 странах, включая Россию, что свидетельствует о глобальном характере детабуизации данной сферы как проявлении распространяющегося феминизма: "New sexual codes are evolving. Worldwide, we are shifting from a heterosexual-marital-coital-procreative value system to friendship-and-

pleasure-based values. But to create more gender-egalitarian cultures, we need to deal with the repression of female sexuality" [Francoeur et al. 2004: 55–71]. Изменение отношения к запретам в сексуальной сфере в мусульманской культуре проявляется, например, в публикации книги «Главный секрет: сексуальное руководство для женатых пар», написанной мусульманкой из Объединенных Арабских Эмиратов В. Лут, которая «призывает к большей открытости и популяризации сексуального образования» [Islam.ru].

Наблюдается снятие ограничений на открытое обсуждение болезней, связанных с интимными частями тела (например, звуковая реклама лекарств для лечения геморроя и простатита в супермаркетах, реклама средств повышения потенции у мужчин и средств, облегчающих прохождение «критических дней у женщин» на телевидении).

Все более откровенно обсуждается тема отсутствия любви родителей к своим детям: «"Я не люблю своего ребенка" – звучит дико, ужасно, противоестественно. Первая мысль: "Нет, этого не может быть!.." Но все-таки, если отбросить эмоции и включить разум, можно ли понять Лизу?» [Ваша газета]. С данной темой связана тема отсутствия любви к детям вообще и сознательного решения не иметь детей, что отражается в возникновении нового концепта – *чайлдфри*; *child free* [см., например: <http://www.childfreebychoice.com>] как проявлении стремления к индивидуальной свободе – одной из ключевых ценностей глобализации.

Следствием детабуизации определенных тем является снятие ограничений на использование табуированных языковых единиц. **Языковое** табу представляет собой «запрет на употребление определенных слов, вызванный в основном социальными факторами: этикетом, цензурой, степенью тактичности говорящего и т. д.» [Рутер 2003]. Одним из наиболее очевидных проявлений детабуизации в языковой сфере является снятие запрета на употребление обсценной лексики: *...even some of the most articulate can rarely go more than a sentence or so without swearing* [The Independent].

Новым видом детабуизации является способ употребления ненормативной лексики в интернет-коммуникации, который проявляется в форме литургативов – зачеркивании того, что мыслится «неудобосказуемым»: «современные технологии позволяют ... почти безболезненно обойти требования приличий (политической корректности, логики и т. п.)» [Гусейнов 2008].

В результате влияния норм англоязычной коммуникации в русской культуре произошли изменения в социально-статусном общении: в частности, обращение по имени-отчеству даже в официальных ситуациях уже не является обязательным. Следствием размывания статусно-обусловленных норм обращения является пример обращения «Любочка» выпускника средней

школы по отношению к женщине старше по возрасту и намного выше по статусу – Любви Глебовой – в телевизионной передаче «Горячий вечер с Тиграном Кеосаяном».

Наряду с детабуизацией изменения в запретительных нормах культур проявляются в появлении **новых табу**. Так, в **невербальных** формах культуры одним из новых табу является запах тела: *Body odour is rated as the most embarrassing health taboo by the British public, a survey has found. It was considered more of a taboo than other conditions such as piles and pubic lice* [BBC]. Запретным становится публичная демонстрация обнаженного детского тела, что связано с ростом случаев педофилии: *Prof Clarke points to Benetton's famous newborn baby poster campaign of 1991, one of the most complained about in the history of advertising, with 800 people finding it offensive* [BBC].

Глобально распространяющаяся ценность молодости вызывает неприятие признаков старости: *Разница в возрасте – последнее табу, единственная граница, тем более непреодолимая, что больше никаких границ не осталось, она заменила их все. В сегодняшнем мире можно заниматься групповым сексом, быть би- и транссексуалом, зоофилом, садомазохистом, но воспрещается быть старым* [У. Мишель]; *Сменился модный возраст, – констатирует Надежда Константиновна Онипенко. – Для мужчин максимум 40 лет, для женщин – 35. На это рассчитано все: мода, одежда, песни, стиль общения. Даже если люди старше, они все равно будут пытаться внешне остаться в этой возрастной категории и обращаться друг к другу соответственно... Русское языковое сознание строго связывает отчество с возрастом, отсюда и "омолаживающий эффект", который весьма болезненно ударил по самооценке людей старшего поколения. Внешне невинное смещение этикетной нормы невольно поставило старших в положение социальных лузеров* [Эксперт]; *"Now when you see someone who looks like a raisin or a prune, it seems so unusual that you are almost repulsed." In interviews, many women, some as young as their early 30s, said they are feeling caught between nature and an anti-aging climate* [NY Times].

В речевой коммуникации среди новых запретных тем можно назвать вопросы о зарплате: *И я помню нормальный вопрос – а сколько вы получаете? А сейчас это немыслимо так спросить* [Livejournal]; *Хорошие корпоративные политики информационной безопасности обязательно включают в себя пункт о неразглашении зарплат сотрудников неавторизованным лицам. А авторизованными лицами считаются те, кому это необходимо знать по роду работы – персонал бухгалтерии, финансовый отдел, отдела кадров.*

Развитие электронной техники и Интернета вывело за пределы военного или детективного

дискурса понятия пароля или кодового слова, которые стали частью повседневной жизни и вопросы о которых теперь не принято задавать и в бытовой коммуникации: *Например, я еще застал вопросы – а зачем мне прятать пароль от электронной почты? у меня там порнографии нет. Пусть висит на экране – я свою электронную почту кому угодно покажу* [Livejournal].

Некоторые новые запреты в значительной степени вызваны глобально распространяющимся концептом «толерантность», выражением которой в коммуникации является политкорректность, реализующаяся в появлении эвфемизмов, называющих национальную или этническую принадлежность – этнонимов: «С течением времени определенный этноним табуируется и начинает считаться, как мы бы сейчас сказали, непolitкорректным. К этому, например, в русском языке сейчас близко слово “негр”, в западных странах давно уже заменяемое на “чернокожий” или “афроамериканец”. В немецком в настоящее время почти не говорят “цыган” (в словарях оно стало обозначаться как уничижительное): там используется слово “ром”, отражающее самоназвание народа» [Водолазкин 2007]. Толерантность заставляет современное общество вообще отказываться от прямых номинаций неприятных явлений: *... anything that disturbs or questions is taboo – taboo really becomes the things you don't want to see* [BBC]; *“Obesity” has become the new “cancer”*. *A word that is taboo, that intimidates, that strikes fear, that promotes softer euphemisms. In effect, it has become an “O” word* [BBC].

Табу, как и нормы, ситуативно обусловлены, то есть существует система культурных запретительных и разрешительных правил, регулирующих коммуникацию в той или иной ситуации: «Например, при женщинах и детях употребление бранной лексики является нарушением нормы, в то время как “в закрытых мужских сообществах” (армии, тюрьме и т. п.) употребление мата вызывает недоверие» [Кронгауз 2009: 159]. Простые наблюдения за употреблением ненормативной лексики свидетельствуют, что трансформации подвергается не только понимание ситуативной «уместности/ неуместности» того или иного действия, но и гендерная специфика использования языка. Следующие цифры представляют результаты исследования “Swearing around the World”, которые демонстрируют изменения в употреблении бранной лексики мужчинами и женщинами в мире: 1996 – men 67%, women 33%; 2006 – men 55%, women 45% [Anthes 2010: 22].

В настоящее время можно наблюдать процесс изменений в запретительных нормах **институциональных** видов дискурса. Так, например, в сфере обслуживания запретным является ряд тем: *Существуют также темы-табу, затрагивать которые нельзя ни при каких обстоятельствах. К ним относятся полити-*

ка, религия, национальные вопросы. Если посетитель сам начал говорить об этом, то официант должен уметь грамотно уйти от обсуждения – например, сказать, что ему нужно проверить на кухне, готово ли какое-то блюдо [АИФ].

Примером детабуизации в научном дискурсе является отказ от запрета на имперсональность: «В зарубежных научных работах нередко делается посвящение близкому человеку и содержится благодарность не только научным рецензентам и техническим помощникам, но и членам семьи, обеспечивавшим возможность осуществления работы. В российской научной среде благодарности личного характера высказываются обычно устно при неформальном общении, поскольку негласно считается, что основная заслуга в выполнении научной работы принадлежит как самому ученому, так и научному коллективу, взрастившему его. Однако новые работы авторов, имеющих дело с англосаксонской культурой, “взламывают” это табу» [Кострова 2005].

Детабуизация также происходит в религиозной сфере, что отражает интенсивно протекающий процесс профанации сакрального: *Когда шоу-бизнес превращается в религию, а поп-звезды превосходят по популярности Христа, что остается делать Церкви? Только одно – научиться законам шоу-бизнеса. Его Святейшество Папа Бенедикт XVI в этом деле преуспел: он не только бдитительно следит за событиями на поп-сцене, но и участвует в них. Дебютный альбом понтифика под названием Music From The Vatican Alma Mater (“Музыка из ватиканской альма-матер”) увидел свет 29 ноября... Кстати, интерес к музыке демонстрирует еще один эпизод – год назад впервые за всю историю церкви Папская канцелярия составила список 12 “богоугодных” песен. Пристрастия сановников оказались неожиданно демократичными. В плейлист попал хит Тупака Шакура Changes, песня легендарной певицы Ширли Бэсси After The Rain и трек молодых сизтлских инди-рокеров Fleet Foxes* [Ваш досуг].

Существует **жанровая** специфика речевых запретов. Так, представленные выше примеры тематических и языковых табу характерны для светской беседы, а в институционально обусловленных жанрах соответствующие запреты отсутствуют, например, в разговоре с бухгалтером нормой являются вопросы о зарплате, со священником – вопросы о вероисповедании, в беседе с врачом не является запретной прямая номинация органов тела, и т. д.

Детабуизация, обусловленная глобализацией, распространяется как в определенных этнокультурах, так и в субкультурах, отражая изменения в базовых ценностных установках общества. Например, одной из национальных норм поведения в индийской культуре является скромность, однако в настоящее время в Индии

все чаще отмечается показной характер, демонстративность поведения, в частности молодежи: *...most private channels now dedicate a nightly slot to reality shows that shock and titillate, featuring brash youngsters who flirt, argue and shamelessly self-promote* [The Independent]. Одним из каналов глобализации являются молодежные субкультуры: например, через рэп-культуру пришла мода на использование obscene лексикой в текстах песен.

«Восстание против норм» [Бауман 2008] подогревается деятельностью СМИ: *Media coverage was seen as the best way of breaking the taboo over these kinds of health problems* [BBC]; *...в них многие табу нарушаются. Например, в сериале «Во все тяжкие» (Breaking Bad) учитель химии готовит наркотик вместе со своим учеником, продает его, ругается матом, убивает людей... А ведь он – положительный герой* [Искусство кино]. Благодаря многочисленным реалити-шоу («Дом», «За стеклом» и т. д.) во многих культурах снят запрет на публичное обсуждение личной жизни и ее демонстрацию: *Reality shows are making millions of Indians believe that it is good to abuse, cool to misbehave, openly share their sexual encounters and justify any act by yelling... the format is predicated on the idea of revealing personal and often embarrassing secrets in public – anathema to many in India* [The Independent]. Перенос акцента с общественно значимых аспектов бытия на личные является свидетельством распространения индивидуализма как глобализующей ценности: «...искусство общественной жизни сузилось до публичного показа частных дел и публичных признаний в частных чувствах (и чем более они интимные, тем лучше)» [Бауман 2008: 45].

Снижение ограничений в деятельности СМИ также проявляется в демонстрации насилия: стали привычными сцены насилия в кино и на телевидении. Социологические исследования показывают, что «в среднем на один час телетрансляций приходится 4,2 сцены насилия и эротики. То есть каждые 15 минут зритель российского телевидения видит на экране акт агрессии, насилия или эротическую сцену» [Первое сентября. 2001. №90].

На основе образцов, данных в продукции «массовой культуры», ставшей носителем норм, в значительной степени формируются поведенческие критерии: *By bringing it in the open, reality shows have found a way to justify them and have made them acceptable; One of the factors that has made the f-word so acceptable is the television series Father Ted where they use the word “fck”* [The Independent]. Эти установки на определенный способ поведения постепенно приобретают обязательный, непререкаемый характер [Гаранина 2009: 310]. Данный фактор играет особую роль, если учесть, что в качестве **субъекта** трансформаций в системе запретительных норм выступает прежде всего моло-

дежный слой социума: *Я же сталкивался с недоуменной реакцией молодежи, которая удивлялась, почему я отказываюсь обсудить детали своей жизни с женой – для них это не личная информация* [Livejournal], – который противопоставлен социальной группе более старшего возраста: *Помню, сотрудник, десятью годами меня старше, рассердился, когда я спросил его в столовой, не постылся ли он. Очень, говорит, личный вопрос* [Livejournal]. Именно молодежь является той социальной группой, которая наиболее легко поддается влиянию средств массовой информации.

Табу является одним из базовых и мощных регуляторов поведения представителя культуры, недаром описание ситуаций нарушения запретов часто сопровождается эпитетом «шокирующий» – *shocking*. Однако динамика процесса детабуизации такова, что в результате частотного нарушения нормы, при регулярности и повторяемости такого нарушения табу теряет свою сакральную силу, что приводит к превращению прежде табуированного поведения в повседневное, рутинное, в норму: *Случилось самое страшное: мы теряем наше национальное достояние, наш русский мат... Исчезает таинство запрета, остаются грубость и вульгарность* [Кронгауз 2009: 158–160]; *I believed it should be an ordinary, everyday word* [The Independent].

Кроме того, процессы детабуизации вызваны возможностью нарушения табу, так как запрет имеет силу только тогда, когда его нарушение влечет за собой наказание. В современном мире, с распространением идеологии мультикультурализма и плюрализма ценностей, вопрос о санкциях стал неопределенным: «В наши дни паттерны и конфигурации больше не заданы и тем более не самоочевидны: их слишком много, они сталкиваются друг с другом, и их предписания противоречат друг другу, так что все они в значительной мере лишены своей принуждающей, ограничивающей силы» [Бауман 2008: 14]. Толерантность как концепт глобализации проявляется в ограничении вариантов коммуникативной реакции: *The challenge is to master the art of knowing when to turn a blind eye to communication that does not meet with their own standards* [BBC]. Кроме того, при том что табу, как правило, не имеют рационального обоснования, дискурсивное нарушение общественных норм обычно опирается на рациональные способы аргументации, в частности, сопровождается стратегией оправдания, реализующейся через апелляцию к положительным последствиям нарушения запрета и отрицательным последствиям следования ему: *A study by Norwich's University of East Anglia (UEA) into leadership styles found the use of “taboo language” boosted team spirit... Professor Yehuda Baruch, professor of management, warned that attempts to prevent workers from swearing could have a negative impact* [BBC]; *Авторы*

фильма в очередной раз напоминают содержанием картины, что запретный плод – слаще всего; а с другой стороны задают вопрос: может быть, выход за рамки привычных социально-семейных отношений принесет счастье в дом Макбрайдов? [Кинопоиск].

Наблюдения показывают, что изменения, происходящие в системах табу разных культур, связаны с глобальным процессом эмансипации – «освобождения от зависимости, подчиненности, угнетения, предрассудков». [БЭС] Согласно З. Бауману, современная эпоха поставила свободу на первое место в списке своих ценностей [Бауман 2008: 25]. Подтверждением этому является апелляция к концепту «свобода», наиболее часто проявляющаяся при аргументации в пользу нарушения табу: *Taboos are tumbling in India as new notions of sex, relationships and personal liberty displace traditional values* [The Independent]. Концепт «свобода» часто вербализуется лексическими единицами, имеющими значение «отсутствие границ, препятствий» (*open, push the boundaries, раскрепощение, изменение границ, выход за рамки, доступность*) и интерпретируется с помощью метафоры открытости/закрытости, что свидетельствует о стремлении к расширению границ как одной из тенденций современности: *“These shows are having a wonderful impact because I think people are opening up. They’re moving along with the times,” – says Revika Desai, a contestant for an upcoming show scheduled for April this year* [The Independent]. Вероятно, стремление к отказу от внутренних, нравственных ограничений и размывание физических, территориальных границ являются взаимосвязанными аспектами одной глобальной тенденции.

Как свобода, так и другие ценности, проявляющиеся в процессе детабуизации, отражают влияние западной культуры на другие мировые культуры как один из векторов развития глобализации, наиболее мощным направлением в рамках которого является процесс американизации. Характерно, что обсуждение трансформаций запретительных норм дискурсивно нередко сопровождается ссылками на элементы американской культуры: *И вот такая интимность исчезает. Где-то это можно заметить четко, где-то уступаемое интимностью пространство заполняется за счет роста прайвеси* (privacy – право на невмешательство в чью-либо жизнь, являющееся одной из доминант американской культуры – М. Т.); *Нет такого, чтобы “как можно, нехорошо-с”, а только “а я тебя, парень, засужу”* (‘I’ll sue you – типичное выражение, используемое в американской культуре в случае нарушения кем-либо правовых норм – М. Т.) [Livejournal].

Так как табу, относящиеся к ядру лингвокультуры, отражают базовые нравственные установки общества, интенсивные глобальные изменения норм вызывают естественную реак-

цию противостояния. Подобно другим проявлениям процесса сопротивления глобализации, противодействие трансформациям культурных запретов в значительной степени апеллирует к угрозе распада нации, в частности традиций, которые являются цементирующим элементом национальной культуры: *Najma Heptulla, a member of parliament from the western state of Rajasthan, has campaigned against reality shows, some of which she says are vulgar and un-Indian. It is for certain taking toll on Indian culture* [The Independent]; *Да мы просто движемся к Апокалипсису. Возьмите Англию, там этот процесс зашел еще дальше* [Киноарт]. Наблюдения показывают, что одним из частотных дискурсивных проявлений резистенции является сопротивление процессу американизации: *“...We are not Britain and we are not America. We are in India,” said Heptulla, who has demanded the show be pulled off air. “We have different values and we have a different kind of living system.... “And I think, looking at our society, it doesn’t match with it at all,” she told AFP* [The Independent]; *“There is the Hollywood way, or my way. I am not saying look younger. I am saying look good for your age”* [NY Times].

Таким образом, изменения в запретительных нормах выражаются как в явлении детабуизации, так и в процессе появления новых табу. Происходящие перемены вызваны процессом глобализации и отражают трансформации в лингвокультурах как результат воздействия повсеместно распространяющихся ценностей, значительная часть которых порождена американской культурой.

ЛИТЕРАТУРА

Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика: учебное пособие. – Екатеринбург: УрГПУ, 2006.

БЭС = Большой энциклопедический словарь. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/> (дата обращения: 25.08.2010).

Водолазкин Е. Трудности русского языка // Новая газета. 2007. 26 июля (№28). URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/color28/06.html> (дата обращения: 25.08.2010).

Гаранина О. Д. Перверсия гуманистических ценностей: кризис человечности в современном мире // Трансформации культуры в глобальном информационном обществе. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. С. 302–317.

Гусейнов Г. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литургативы: доклад, прочитанный в Fitzwilliam College (University of Cambridge) 29 августа 2008г. URL: <http://www.speakrus.ru/gg/litulative.htm> (дата обращения: 25.08.2010).

Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.

Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Запрет, табу, эпатаж в коммуникативном пространстве // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, поли-

тике и праве XXI века: Человек и его дискурс – 2 / отв. ред. М. Р. Желтухина. – Волгоград: ПринтТерра, 2006. С. 13–33.

Кострова О. А. Дискурсивные табу в межкультурной научной коммуникации // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации: сб. науч. тр. – Воронеж: ВГУ, 2005.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 2-е изд., стер. – М.: Знак, 2009.

Стернин И. А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1 – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 4–20.

Рутер О. А. Табуирование лексико-семантической группы «смерть» в идиолекте М. Цветаевой (на примере фольклорных поэм) // Филологический вестник РГУ. 2003. № 1.

Социология: Энциклопедия [сост. А. А. Грицанов и др.]. – Минск.: Книжный Дом, 2003.

Anthes E. Profane Brain // Psychology Today. 2010. Vol. 43. Issue 4 (Jul/Aug). P. 22.

Francoeur R., Noonan R. J. [et al.]. Female sexuality today: challenging cultural repression // Cross Currents. Fall 2004. Vol. 54. Issue 3. P. 55–71

ИСТОЧНИКИ

АИФ. URL: <http://www.aif.ru/money/article/24641> (дата обращения: 25.08.10).

Ваш досуг. URL: <http://www.vashdosug.ru/concert/article/55801/> (дата обращения: 25.08.2010).

Ваша газета. 2010. 8 июля (№ 26).

Искусство кино. URL: <http://www.kinoart.ru/magazine/02-2010/hrernow0210/dondur0210/> (дата обращения: 25.08.2010).

Кинопоиск. URL: <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/24568/> (дата обращения: 25.08.2010).

Эксперт. URL: http://www.expert.ru/printissues/russian_reporter/2007/22/sovremennaya_russkaya_vezhlivost/ (дата обращения: 25.08.2010).

Aphorisme.ru. URL: <http://www.aphorisme.ru/by-authors/uelbek/?q=2323> (дата обращения: 25.08.2010).

BBC. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/1235905.stm; http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/2/hi/uk_news/england/norfolk/7047536.stm; <http://news.bbc.co.uk/2/hi/health/7785195.stm> (дата обращения: 25.08.2010).

Islam.ru. URL: <http://www.islam.ru/pressclub/smi/viaulat/> (дата обращения: 25.08.2010).

New York Times. URL: http://www.nytimes.com/2007/03/01/fashion/01skin.html?_r=1&pagewanted=2 (дата обращения: 25.08.2010).

The Independent. URL: <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/tv/reality-tv-shatters-taboos-in-india-1953867.html>; <http://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/the-c-word-524059.html> (дата обращения: 25.08.2010).

© Тульнова М. А., 2010